

ПАРК И ГОРОД НАЧАЛИ СТРОИТЬ

Мельничный Ручей —
литературное место,
здесь переплелись тесно
проспекты и улицы
Грибоедова и Толстого,
Тургенева и Лескова,
я брожу по телесам улиц,
пачкая в грязи ходули.
Сегодняшний день писателей —
непригляден,
такое положение временно, —
я придумываю их героям
парк приятный.

Благодеяние писателя зависит
от их героев.
Сейчас многие герои
обитают по обочинам,
кто в особняках, кто в лачугах.
Теперь можно посмотреть,
какое будущее
персонажам прочили
и как они проживают.
Между ними шагаю

и парк придумываю.
Чичиков там будет рассказывать
мальчику Маяковского,
что такое хорошо
и что такое плохо.
Раскольников придёт к Дубровскому,
они поговорят о Маше.
А на вершине улицы Маяковского
построят высотку оглашенную
в духе конструктивизма,
чтобы из Парка

Литературных Героев
персонажи Фонвизина могли
ее (высотку) увидеть.
Я придумал в Мельничном Ручье
парк,
к Парку придумал Город.
Город уже начали строить.

ПАМЯТНИК-БЮСТ МЕНШИКОВУ

Александр Данилович стоит
во дворе собственного дома,
ему здесь всё было знакомо
три века назад,
после ссылок он настолько скромнен,
что не отходит никуда,
ни в церковь, ни в Летний сад,
сосредоточен, по сторонам
не смотрит,
даже царь Пётр, что скачет медно
и Исаакий златошлемный
ему по боку,
Меншиков глядит не в сейчас, —
во времена далёкие,
и птицы наглые оттого —
и воробьи, и вороны, и голуби —
и наглые, и огромные,
и чрезмерно гордые тем,
что могут посидеть
у первого генерал-губернатора
Петербурга на голове.

НАСТЕННАЯ БЕСЕДА

На углу Коломенской
и Свечного понял,
что Петербург нестроен —
только часть Че Гевары
появилась на доме
и только голова Сальвадора Дали.
Но их разговоры полны.
Жители соседних домов
вытаскивают на лужайку стулья
и слушают громогласную тишину,
вдыхают мысли, которые Че курит,
видят крылья снов Сальвадора,
а потом обсуждают до оскомины
тонкости нарисованных
командоров.
Голова Дали — основное,
что может случиться с этим
сюрреалистическим городом.

Город Петра — это голова
величайшего сюрреалиста,
я иду по Коломенской,
я ощущаю себя его мыслью.

ФИОЛЕНТ

Дороги лента приведет
на Фиолент.
Параплан восходящие потоки
пенит,
солнце устало —
больше светить не может
и ставит на дне
красную жирную точку.
Челюсть берега прихватила
зубами небо,
целый день о лазурит точила зубы,
проголодалась,
в кусок воздушного хлеба
клыки острые вонзила.
Один зуб золотой, вставной —
луковица православного храма.
Всё это видишь
под восходящей луной,
когда луна мои ноги усталые
облизала,
ноги гудят и ноют, как колокола,
тысячи ступенек ведут
с небесной кручи...
Здесь понимаешь почему
не всегда горят звезды и луна —
небесному электрику тяжело
подниматься и светила вкручивать.

КУПАНИЕ

Ты купаешься в море,
я — в своих мыслях,
у двоих — просторы.
Я плыву к твоей жизни,
мы с тобою прекрасно плаваем,
рассекаю волны,
касаюсь тебя слегка,
я завел такое правило:
плавать с тобой по утрам.

Сейчас между нами
полторы тысячи километров
или более,
но для меня это ничего не значит,
доплыть до тебя быстрее,
чем произнести Оленька.

МОЗАИКА КРАСОТЫ МГНОВЕНИЙ

Золото осени искать не надо,
оно само любого найдет,
оно выглядывает из каждого сада,
прилипает на каждый сапог.
Его измеряют не в граммах,
а в тоннах,
и не заметить его нельзя.
Его сметают сердитые дворники
и носят красавицы в волосах.
Всё это золото копейки не стоит,
и, согласитесь, оно бесценно, —
каждый лист внесен судьбою
в мозаику красоты мгновений.

КОКТЕБЕЛЬ

В краю голубых вершин
кипит лазоревая моря плешина,
сели в деревянную калошу,
поплыли
от памятника
к горному портрету Волошина.
Здесь все пронизано его памятью,
его творчеством,
горы и волны — рабочие лошади
бредут и по картинам
Максимилиана
в его доме-корабле-храме,
а он сам лежит на горе,
его стихи кипятят море,
волн крошево
множат силуэты гор и профиль
Максимилиана Волошина.